

образования характерны для испанского синтаксиса, начиная с первых памятников. Ср. в «Поэме о Сиде»: образования с прилагательными: *grandis son las yentes* «велика свита (Сиды)» (2166).

Как отмечает С. Хили-и-Гайя, из трех допустимых грамматической нормой вариантов: (1) *La agencia X ha transmitido nuevas informaciones*; «Агентство X передало новую информацию»; (2) *Nuevas informaciones han sido transmitidas por la agencia X* «Новая информация была передана агентством X»; (3) *Por la agencia X han sido transmitidas nuevas informaciones* «Агентством X была передана новая информация» — носитель языка решительно изберет первую [28, с. 122]. Об этом же свидетельствует, по мнению М. Криадо де Валь, решительный выбор иберо-романскими языками посессивно-активных вспомогательных глаголов (исп. *haber, tener, haver, ter*): *Pedro ha muerto* «Педро умер», в то время как во французском и итальянском — *être (essere): Pierre è mort* [33, с. 75]. Об этом же говорит и тот факт, что из двух видов активных конструкций — безличной и личной — испанский, как и итальянский, в отличие от французского, предпочитают личные [34, с. 15]. Все это служит еще одним подтверждением тому, что испанский и французский, несмотря на ближайшее генетическое родство, с одной стороны, и типологическое — с другой (ср. отнесение их Э. Леви к атлантическому ареалу), следует относить, по мнению таких известных типологов, как Б. Комри и Д. Лайонз, по способу выражения на грамматическом уровне стативности и прогрессивности к разным группам [35, с. 707].

Известно, что пассивные образования имеются далеко не во всех языках мира. Если для индоевропейских, финно-угорских, семитских, индонезийского, малагасийского они обычны, то в таких языках, как китайский, и в некоторых бирманских пассивизация либо вообще не встречается, либо обнаруживается как маргинальная [36, с. 205]. Анализ показывает, что и в испанском языке пассивная конструкция является маргинальной. Помимо тех «пассивных» образований, которые по сути своей не отличаются от атрибутивных, обычная трансформация испанской активной фразы, содержащей подлежащее и дополнение, происходит без каких-либо изменений в форме глагола: подлежащее и дополнение только меняются местами:

(1) *El camión atropelló a los perros* «Грузовик задавил собак»;

(2) *A los perros los atropelló el camión* «Собаки (их) задавил грузовик».

Фраза (2) более типична для носителей испанского, чем (3) *Los perros fueron atropellados por el camión* «Собаки были задавлены грузовиком», которая, как и другие пассивные образования, используется нечасто. Применительно к испанскому, несомненно, справедливым оказывается и утверждение о том, что активные предложения более базисны, чем пассивные [36, с. 243].

Относительно источника конструкции с *se* в романских языках высказываются различные предположения. Э. Гамильшег, например, считает, что в испанском они появились вследствие причин психологического порядка. Не отвергается и предположение о действии внешних лингвистических факторов — субстратов или суперстратов: в Румынии — славянского, в Италии — греческого, в Испании — арабского. В свете последних данных говорится о возможности влияния языковых контактов на развитие категории залога: «... типологическое исследование залога в ареальном аспекте подтверждает гипотезу, что эта морфологическая категория относительно легко поддается воздействию со стороны иноструктурных языков» [37, с. 97].

Разделяя предположение о воздействии субстрата и контактов на образование в испанском языке пассивно-безличных конструкций с *se*, которые первоначально должны быть осмыслены как безличные (соотв. активные), мы предполагаем, что этот субстрат является более древним, чем обычно предполагаемый арабский «суперстрат», что его составляют доро-